

***

Глава 21. Шэнь и Линь (часть 2)

***

***

Он вернулся

***

День рождения Шэнь Цзяньвэя выпадал на двадцать девятое февраля. Этот день случался лишь раз в четыре года, и Цзяньвэй его ненавидел. Ему казалось, будто само небо этим календарём твердило: такому, как он, вообще не стоило появляться на свет.

Но когда этот день всё же наступал, Линь Му заранее принимался шуметь:

— Папа, в этом году торт обязательно должен быть больше прежнего!

Линь Шань лишь посмеивался над сыном.

— У Цзяньвэя день рождения, а ты суетишься больше, чем в свой собственный.

— Ну конечно! — Линь Му отвечал с непоколебимой уверенностью. — Такая дата выпадает раз в четыре года, мы обязаны восполнить ему всё пропущенное время.

Шэнь Цзяньвэй стоял рядом и просто слушал.

В те же годы, когда февраля в календаре было меньше, Линь Му настаивал, чтобы друг праздновал вместе с ним. Сам он родился одиннадцатого марта и, когда приближался заветный срок, сиял от счастья, загибая пальцы.

— Смотри, как близко наши дни рождения!

Видя его восторг, Цзяньвэй как-то спросил:

— Почему ты так радуешься любому празднику, даже чужому?

— Это совсем другое дело, — Линь Му со смехом приобнял его за плечи. — Мой день рождения бывает каждый год, в нём нет ничего особенного. А твой — уникальный. Такой же редкий и дорогой, как ты сам.

«Дорогой и редкий»

Эти слова скользнули в сердце Шэнь Цзяньвэя, словно капля растопленного сахара. Он поджал губы, порываясь высвободиться из объятий Линь Му, но так и не смог заставить себя пошевелиться.

***

Линь Му так и не удалось отпраздновать свой последний день рождения в старшей школе.

В тот день на стадионе проходило торжественное собрание выпускников. Трибуну соорудили наспех всего за пару дней до события, и доски закрепили не слишком надёжно.

Линь Му стоял в последнем ряду, чувствуя под ногами что-то неладное. Шэнь Цзяньвэй заметил, как тот обеспокоенно оглядывается вниз, но спустя мгновение дерево с треском проломилось, и целый ряд учеников рухнул вниз.

Цзяньвэй среагировал мгновенно, его пальцы почти коснулись края одежды друга, но он не успел его удержать. Линь Му сильно ударился затылком о торчащий болт.

Когда юноша, расталкивая толпу, прорвался к нему, алая кровь уже окрасила школьную форму. Глубокая рана на голове требовала наложения швов. Хоть кровотечение и выглядело пугающе, пострадали лишь сосуды мягких тканей.

В тот день директор школы был близок к встрече с праотцами как никогда, а завуч — к повышению. Но для Шэнь Цзяньвэя это был день, когда он окончательно осознал: Линь Му для него важнее самой жизни. Глядя на лежащего без сознания друга, он чувствовал, будто умирает сам.

— Восемь швов. Покой минимум на две недели, — наставлял врач. — Головные боли сейчас — это нормально. Нужно будет понаблюдать, нет ли признаков сотрясения мозга.

— Ну вот... — жалобно протянул Линь Му. — Мне же к экзаменам готовиться. Можно я в следующий раз в обморок упаду?

Цзян Чунью, утирая слёзы, вскрикнула.

— Тебе только шутки на уме! Ты чуть мать в могилу не свёл...

Голос её дрожал, слёзы лились ручьём.

— Тётя, — внезапно заговорил Шэнь Цзяньвэй. — Простите меня. Я не смог его защитить.

От этих слов и мать, и сын замерли. Линь Му недоумённо моргнул.

— При чём тут ты?

Цзян Чунью посмотрела на юношу. Она вспомнила, как они с Линь Шанем примчались в больницу: Шэнь Цзяньвэй сидел в пустом коридоре один, прижимая к груди окровавленную форму Линь Му. Он низко опустил голову, и его плечи мелко дрожали. За все эти годы они впервые видели его в таком состоянии.

С самого детства Шэнь Цзяньвэй был молчалив, сдержан и никогда не выказывал слабости. Даже когда его били или оскорбляли, он не проронил ни звука, сохраняя бесстрастное лицо. Его «простите, я не защитил его» стало самым искренним проявлением той невыносимой боли, которую он испытывал.

— Мальчик мой... — Цзян Чунью хотела что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Тётя, я пойду вымою руки, — Шэнь Цзяньвэй вышел из палаты, не поднимая глаз.

Он стоял у раковины в коридоре, глядя, как вода смывает кровь с его ладоней. В лестничном пролёте неподалёку Линь Шань говорил по телефону.

— Да, спасибо огромное, теперь мне спокойнее... Сами понимаете, у нас в семье врачей нет, случись что — только и остаётся, что паниковать.

Рука Шэнь Цзяньвэя дрогнула. Он закрыл кран и медленно, до белизны в костяшках, сжал кулаки.

***

В то время днём Шэнь Цзяньвэй пропадал на уроках, но едва заканчивались занятия, он мчался в больницу.

— Сегодня по физике разобрали несколько важных тем, — он раскладывал тетради на прикроватном столике Линь Му.

Линь Му, привалившись к подушкам, поначалу слушал, но вскоре его голова начинала клониться всё ниже, пока он окончательно не засыпал. Тогда Шэнь Цзяньвэй предельно тихо

выключал лампу и выходил в коридор. Там, устроившись на жёстком стуле, он склонялся над учебниками, занимаясь при тусклом свете дежурных ламп.

Врачи и медсёстры уже знали его в лицо и по-своему полюбили этого прилежного юношу.

— Снова за уроками? — шептали они, проходя мимо.

Цзяньвэй лишь вежливо кивал в ответ. Он не отходил от друга ни на шаг, и даже Линь Шань как-то заметил жене: то, что их «деревяшка» вырос таким здоровым и крепким — заслуга этого мальчишки, который всегда был рядом. Такой заботе могли бы позавидовать и родные родители.

Цзян Чунью в шутку толкала мужа в бок.

— Что ещё за «мальчишка»? Он нам как родной сын.

Линь Му спал урывками и, едва открыв глаза, привычно звал друга мягким, заспанным голосом:

— Шэнь Цзяньвэй, ты где?

— Здесь я, — отзывался тот из коридора.

Он откладывал ручку и заходил в палату узнать, что случилось. В первые дни у Линь Му так сильно кружилась голова, что он не мог даже стоять, и в туалет его приходилось водить под руку. Шэнь Цзяньвэй молча помогал во всём, исполняя любую просьбу с точностью робота. Лишь изредка он позволял себе замечания:

— Целься точнее.

— Голова кружится, не получается, — с хитрой ухмылкой поддразнивал его Линь Му. — Может, поможешь придержать?

Шэнь Цзяньвэй опешил на мгновение, но затем действительно протянул руку.

— Эй! — Линь Му чуть не подпрыгнул. — Ты что, серьёзно?

— Не вертись, — негромко бросил Цзяньвэй. Его лицо залила краска смущения, но руку он не отпустил.

— Я пошутил! Ой! — Линь Му задёргался. — Да отпусти же, я сейчас не сдержусь!

Только тогда Шэнь Цзяньвэй разжал пальцы и, пунцовый от стыда, выскочил за дверь. Не прошло и минуты, как изнутри донеслось:

— Шэнь Цзяньвэй, голова кружится!

И тот, поджав губы, снова входил в палату.

Позже, когда Линь Му лежал в полузабытьи под действием лекарств, он полюбил просто так окликать друга в этом сонном мареве.

— Шэнь Цзяньвэй.

— Здесь.

— Шэнь Цзяньвэй.

— Я тут.

— Шэнь Цзяньвэй...

— М-м-м?

Линь Му во время болезни стал невыносимо ласковым, и Шэнь Цзяньвэй просто сидел на краю кровати, не уходя.

— Ты такой добрый ко мне, — улыбался Линь Му с закрытыми глазами, будто в бреду. — Нам так хорошо вдвоём.

— Угу, — едва слышно отозвался Цзяньвэй, поправляя его одеяло.

— А в будущем... — Линь Му зевнул, окончательно проваливаясь в сон. — Ты изменишься?

Шэнь Цзяньвэй ответил предельно серьёзно:

— Нет.

Линь Му уже спал. Цзяньвэй долго смотрел на него, пока ночные тени не заползли на подоконник. Убедившись, что друг крепко спит, он укрыл его получше.

— Я буду дружить только с тобой. И больше ни с кем.

***

Три месяца спустя они вместе вышли из экзаменационного центра. Вечером дома было шумно и весело — Цзян Чуньюю накрыла огромный стол. По такому случаю Линь Шань даже открыл бутылку водки, но пить много не стал: налил лишь одну стопку. Глядя на повзрослевших мальчишек, он чувствовал глубокое отцовское удовлетворение.

— Пап, ну скажи что-нибудь! — Линь Му подёргал его за рукав.

Линь Шань кашлянул и поднял рюмку.

— Вы теперь совсем взрослые.

Линь Му, заметив, как дрогнул голос отца, тут же засиял:

— Пап, ты что, сейчас расплачешься?

— Ах ты, негодник!

В этот момент Шэнь Цзяньвэй внезапно встал и с глухим стуком опустился на колени. Он трижды коснулся лбом пола перед Линь Шанем и Цзян Чуньюю. Даже повзрослев и научившись общаться, отогретый теплом этой семьи, он так и не научился говорить красиво. Всё, что он мог выдать — это простое «спасибо».

Его чувства были глубокими и тяжёлыми, как семя, скрытое в недрах земли — без лишнего шума и внешнего блеска. Он не обещал пышных цветов, но был готов стать тем самым корнем, который удержит этот дом.

Цзян Чуньюю тут же расплакалась, Линь Шань едва не выронил рюмку и бросился поднимать юношу. Но Шэнь Цзяньвэй не встал, проговорив глухим голосом:

— Спасибо вам за всё.

Линь Шань снова потянул его за плечи.

— Ты мой сын, такой же, как Линь Му. В семье не говорят «спасибо».

Цзян Чуньюю, утирая слёзы, согласно кивнула.

— Вставай, — скомандовал Линь Шань. — Если не поднимешься, я эту водку пить не стану.

У Линь Му тоже покраснели глаза, он потянул друга наверх.

— Да вставай же ты, мне больно на это смотреть.

Шэнь Цзяньвэй поклонился ещё раз и только тогда поднялся. Цзян Чунью тут же принялась ощупывать его лоб, причитая, не ушибся ли он.

— Дядя, тётя... я решил учиться на врача.

Линь Шань замер. Он мгновенно вспомнил день аварии. Хоть врачи и твердили, что с сыном всё в порядке, он, как отец, не мог успокоиться, пока не обзвонил всех знакомых медиков. Когда он закончил разговоры и вышел, то увидел Шэнь Цзяньвэя — тот стоял в коридоре, всё ещё в форме, забрызганной кровью Линь Му.

— Цзяньвэй, ты испугался, да? — Линь Шань тогда старался подавить собственные чувства, чтобы поддержать остальных. — С ним всё будет хорошо, не бойся, иди переоденься.

Но Цзяньвэй не сдвинулся с места. Он лишь тихо сказал:

— Дядя, врачи будут.

Отец Линь Му тогда не понял его, решив, что парень просто пытается его утешить. Он лишь улыбнулся: «Да, будут врачи, всё наладится». Но Шэнь Цзяньвэй повторил ещё раз, твёрдо и уверенно: «Врачи будут».

И вот теперь юноша так торжественно объявил о своём выборе. Этот ребёнок был слишком мудр для своих лет, и от этого сердце щемило ещё сильнее. Линь Шань не выдержал, его глаза подозрительно заблестели.

— Хорошо. Быть врачом — это благородно.

Он шмыгнул носом, залпом выпил водку и быстро ушёл на кухню.

— Пойду ещё налью.

— Папа! — крикнул ему вдогонку Линь Му. — Тогда я тоже пойду в медицину!

Линь Шань донёсся его смех.

— Ты сначала поступи попробуй.

Цзян Чунью ласково ущипнула сына за щёку.

— А ты сможешь поступить в тот же университет, что и Цзяньвэй?

— Ой, ну что вы за родители такие! Вечно вам любимчики важнее, — Линь Му ворчал для вида, но в душе был счастлив: если Цзяньвэй любят, значит, всё правильно. Хотя уверенности в своих силах у него поубавилось. Весь ужин он просидел, кусая губы, и наконец шёпотом спросил друга: — У тебя оценки такие высокие... Мы точно сможем учиться вместе?

Шэнь Цзяньвэй, не поднимая головы от тарелки, коротко бросил:

— Угу.

Линь Му скорчил рожицу.

— Ну и самомнение у тебя. Точнее, вера в меня.

Цзяньвэй отложил ложку и странным, нечитаемым взглядом посмотрел на друга.

Только когда пришло время подавать документы, Линь Му понял, почему тот был так уверен. Результаты Му были весьма достойными, но Шэнь Цзяньвэй оказался в списке лучших. Его засыпали предложениями престижнейшие медицинские вузы страны. Но он, к всеобщему изумлению, выбрал местный Цзянчэнский медицинский университет.

Линь Му буквально навис над ним, пытаясь отобрать бланк заявления.

— Ты с ума сошёл?! — он едва не топал ногами от досады.

Но Шэнь Цзяньвэй ответил предельно спокойно:

— Мы же договаривались поступать вместе, разве нет? Цзянчэнский медицинский университет — отличный вуз. К тому же, если я уеду, кто будет подтягивать тебя по предметам бесплатно?

Линь Му мгновенно сбился с мысли и даже заикнулся.

— Под... подтягивать? В университете тоже надо зубрить?

— Ты думал, там лафа начнётся? — приподнял бровь Шэнь Цзяньвэй. — На медицинском

пахать надо. Если хочешь потом в магистратуру, готовиться нужно с первого курса.

— Да кто сказал, что я туда хочу!

— Не хочешь? — Цзяньвэй усмехнулся. — Значит, признаёшь, что будешь слабее меня?

— Это я-то?! Да ни за что!

— Вот именно, — юноша продолжил заполнять графы. — Цзянчэнский медицинский университет — идеальный вариант. Мне там ещё и стипендию повышенную дадут. А после бакалавриата вместе выберем место попрестижнее.

Линь Му лишь надул губы — против такой логики не попрёшь. Шэнь Цзяньвэй бывал невыносим: несмотря на свою вечную молчаливость и готовность выполнять любые поручения, он всегда был на шаг впереди, но при этом неизменно ждал Линь Му. Все вокруг считали, что Шэнь Цзяньвэй просто опекает друга, и лишь сам Линь Му понимал: этот человек своим особым способом попросту тащит его за собой в будущее.

Властно и бескомпромиссно.

— Ладно, только уговор: ты сам обещал, что я буду к тебе липнуть с этими уроками, — буркнул Линь Му.

Шэнь Цзяньвэй, склонившись над столом, тихо прошептал:

— Уж постарайся сдержать слово.

— А? Что ты сказал? — не расслышал Линь Му.

Но Цзяньвэй уже молча дописывал последнюю строку.

***

Каникулы после выпускного класса — время, когда нужно отрываться по полной. Одноклассники ещё до экзаменов решили поехать к морю. Линь Му ждал этой поездки с замиранием сердца, но Шэнь Цзяньвэй упёрся — ни в какую не хотел ехать, собираясь найти подработку на лето. Линь Му не смог переспорить этого упряма и призвал на помощь отца.

— Цзяньвэй, молодость — штука мимолётная, — Линь Шань отложил газету, принимаясь за нравоучения. — Ты с малых лет только и думал, как копейку заработать. Единственные беззаботные каникулы в твоей жизни — и те хочешь пропустить? Надо ценить такие моменты.

Шэнь Цзяньвэй всё понимал, но лишь качал головой. В итоге в дело вмешалась госпожа Цзян Чунью. Она буквально впихнула деньги ему в карман и, уперев руки в бока, заявила:

— Если не поедешь, я по-настоящему рассержусь!

Против такого аргумента у Цзяньвэя защиты не нашлось. Покраснев, он вынужден был согласиться. Линь Му торжествующе захохотал и, обняв мать, закричал:

— Госпожа Цзян, вы просто великая женщина! Ха-ха-ха!

Так компания молодёжи оказалась на побережье. При распределении номеров Линь Му и Шэнь Цзяньвэй, разумеется, оказались в одной комнате. Едва зайдя внутрь, Цзяньвэй принялся перестилать постель и расставлять туалетные принадлежности. Линь Му же просто рухнул на кровать.

Шэнь Цзяньвэй занимался делом, лишь изредка прося друга подвинуться. Линь Му изнывал от скуки и, пока тот развешивал вещи, парень принялся кататься по матрасу.

— Ох, ну и жизнь пошла... Скукотища несусветная!

Цзяньвэй, не оборачиваясь, спросил:

— И чего же тебе на сей раз надобно?

За годы дружбы они выработали идеальное взаимопонимание: если Линь Му начинал так канючить, значит, ему что-то было нужно. Цзяньвэй мог по памяти воспроизвести все интонации и частоту этих притворных жалоб.

— Слушай, о мудрейший! — Линь Му принял на кровати нелепую позу. — На кого я сейчас похож?

Шэнь Цзяньвэй, сидя на корточках у чемодана, буркнул:

— На поросёнка.

— Сам ты поросёнок! — Линь Му запустил в него подушкой и снова заныл. — Невыносимо! Никто обо мне не заботится...

Цзяньвэй тихо усмехнулся.

— Ну и как же мне спасти это несчастное животное?

— Думаю, порция клубнично-шоколадного мороженого могла бы сотворить чудо, — Линь Му мечтательно уставился в потолок.

Шэнь Цзяньвэй промолчал, продолжая разбирать вещи.

— Я тебе говорю, этот вкус... Клубника с шоколадом — это же нечто! — Линь Му начал активно жестикулировать. — Какой гений это придумал? Совсем не приторно, а аромат просто божественный.

Он продолжал болтать, искоса поглядывая на друга и мысленно ведя обратный отсчёт. И точно: на счёт «один» Шэнь Цзяньвэй встал и направился к двери.

— Ты куда? — невинно поинтересовался Линь Му.

— Свиной кормить, — Цзяньвэй вытащил из слота карту-ключ.

— Клубнично-шоколадным! — Линь Му подскочил на кровати. — Смотри не перепутай!

Едва дверь закрылась, парень прильнул к окну. Спустя минуту он увидел, как Шэнь Цзяньвэй выходит из гостиницы. Линь Му вёл пальцем по стеклу, следя за ним, пока тот не дошёл до магазинчика. Но на самом пороге дорогу ему преградила какая-то девушка и протянула конверт.

— Опа! — Линь Му невольно хлопнул по стеклу.

Испугавшись собственного шума, он присел, прячась, и выглянул снова лишь спустя время. Шэнь Цзяньвэй уже шёл обратно, а девушки и след простыл. Когда тот вернулся в номер, Линь Му как бы между прочим спросил:

— Что, любовное послание получил?

— Не брал я ничего.

— Это ещё почему?

Шэнь Цзяньвэй протянул ему мороженое.

— Будешь?

— Злой ты, — Линь Му взял стаканчик и обнаружил, что оно ванильное. — Я же просил клубнику с шоколадом!

— Закончилось.

— И ты даже не догадался спросить, хочу ли я другое? — внезапно вспыхнул Линь Му. — Конечно, тебе же некогда было, ты письмами был занят.

Шэнь Цзяньвэй молча посмотрел на него.

— Я ничего не брал.

— Хм! — Линь Му забился в угол дивана, ковыряя мороженое. Цзяньвэй вернулся к вещам. До самого вечера в комнате царило молчание.

Ужин проходил в шумной компании за длинным столом с барбекю. Линь Му принципиально сел напротив Шэнь Цзяньвэя, а не рядом. Острое он ел плохо — вскоре он уже всю глотал воздух и утирал слёзы. Цзяньвэй молча встал, чтобы принести ему молока.

— Эй, Линь Му, — прошептал одноклассник, подсаживаясь поближе. — Слыхал? Шэнь Цзяньвэй сегодня снова кому-то отказал.

— Снова? — Линь Му замер с палочками во рту. О предыдущих разгах он и не слышал.

«Откуда мне знать»

Линь Му неопределённо хмыкнул, продолжая грызть палочки. В этот момент перед ним с тихим стуком появилась коробка молока. Он поднял голову и встретился взглядом с Шэнь Цзяньвэем. Тот смотрел на него так пристально и глубоко, будто пытался прочитать все его мысли. Линь Му стало не по себе, и он поспешно уткнулся в пакет с молоком.

После ужина, когда ночь вступила в свои права, молодёжь взялась за спиртное. Вчерашние школьники, впервые получив легальную возможность выпить, были в восторге. Линь Му громче всех хвастался своей стойкостью, но после двух бокалов покраснел как варёный рак, а его взгляд стал затуманенным. Шэнь Цзяньвэй незаметно убрал от него алкоголь, но парень этого даже не заметил, продолжая чокаться с друзьями пустым стаканом.

Позже кто-то предложил игру в «Правду или действие» с условием: за отказ отвечать — штрафной бокал. Поначалу вопросы были невинными, но по мере опьянения компании они становились всё смелее. Шэнь Цзяньвэй всегда держался особняком, и никто не решался к нему лезть, но тот самый любопытный одноклассник решил, что настал его час.

— Шэнь Цзяньвэй, почему ты всех отшиваешь? У тебя уже есть кто-то на примете?

Линь Му, до этого увлечённо рассматривавший дно пустого стакана, мгновенно протрезвел

наполовину и весь превратился в слух.

— Есть.

Простой ответ заставил сердце Линь Му пропустить удар. Он терпеливо ждал своей очереди, и когда она пришла, спросил с напускным безразличием:

— Шэнь Цзяньвэй, и как же зовут твоего тайного кумира?

— О-о-о! Точно! Имя в студию! — загалдела толпа. — Смотрите-ка, даже лучший друг не в курсе. Ну и конспиратор!

В наступившей тишине он поднял взгляд и посмотрел прямо на Линь Му. Секунда, две... Шэнь Цзяньвэй смотрел так долго, что Линь Му уже решил — ответа не будет. Но юноша молча взял бутылку пива и выпил её до дна, залпом. А потом вторую. И третью. Целую упаковку.

— Ничего себе! Наш отличник — настоящий чемпион! — зашумели ребята.

В этом гомоне звук пустой бутылки, ударившейся о стол, больно отозвался в ушах Линь Му. Ему вдруг стало невыносимо тоскливо.

«Что за дела, — обиженно подумал он. — Почему он скрывает это от меня?»

Линь Му угрюмо потянулся к бутылке, но обнаружил, что всё ещё сжимает пустой стакан. Зная, чьих рук это дело, он вскочил и решительно направился к бару, чтобы налить себе ещё. К началу второй бутылки его взгляд начал блуждать, и он бросил на друга вызывающий взгляд:

— Я... ик... крепче тебя!

К третьей бутылке он уже не мог связать и двух слов.

Когда Шэнь Цзяньвэй довёл его до номера и закрыл дверь, Линь Му внезапно прижал его к стене.

— Ты... — глаза парня блестели от слёз. — Почему ты мне... ик... не сказал?

— Ты пьян, — голос Шэнь Цзяньвэя звучал тяжело.

— Я?! Да ни в одном глазу! — Линь Му вцепился в его воротник. — Мне обидно! Почему ты мне не доверяешь?!

Цзяньвэй не сопротивлялся, лишь смотрел на него сверху вниз.

— И что же ты хочешь услышать?

Линь Му был слишком пьян, чтобы понять смысл вопроса. Он приподнялся на цыпочки.

— Ты о чём?!

— Я о том, что... — Шэнь Цзяньвэй осёкся, его глаза расширились.

Линь Му, не удержав равновесия, ткнулся лицом в его губы. Шэнь Цзяньвэй замер, а виновник этого хаоса, не осознавая, что натворил, со смехом откинул голову назад.

— Грязный мальчишка, а губы у тебя такие мягкие...

Он снова придвинулся ближе, пробормотав с каким-то странным азартом:

— Дай-ка я попробую... на вкус. А?

Шэнь Цзяньвэй поспешно оттолкнул этого безумца и попытался уложить его на кровать. Но Линь Му в пьяном угаре был на редкость деятельным: он увлёк друга за собой, и они вместе рухнули на матрас. Парень ухитрился перевернуться и оказаться сверху, глядя на Цзяньвэя сияющими, нетрезвыми глазами.

— Ну же... дай мне попробовать.

— Линь Му! — в голосе Шэнь Цзяньвэя послышалась хриплая ярость.

Друг заглушил его протест поцелуем. Точнее, это был даже не поцелуй, а неумелая попытка укусить. Линь Му действовал грубо, без всякого изящества терзая его губы, ведомый лишь пьяным инстинктом и странной тревогой, которую могло унять лишь это безумное прикосновение.

— Почему ты молчал? — жалобно пробормотал он, его голос тонул в поцелуе.

— Пусти, — дыхание Шэнь Цзяньвэя сбилось, сердце колотилось как сумасшедшее. Он попытался отстраниться, но Линь Му крепко перехватил его руки. В его мутном взгляде читалась такая невообразимая смесь горечи и упрямства, что Цзяньвэй на миг потерял дар речи.

— Линь Му... хватит... — Шэнь Цзяньвэй боролся с последними каплями самообладания.

Но тот не слушал, продолжая что-то бессвязно шептать. Запах алкоголя смешивался с тем самым сладким ароматом конфет, который исходил от Линь Му с самого детства. Это окончательно добило рассудок Шэнь Цзяньвэй. Он стиснул зубы и резким движением перевернул друга, подминая под себя.

Линь Му продолжал что-то лепетать, пока его голос не превратился в механическое повторение имени друга. Он тянулся к Цзяньвэйу всем телом. Одно мгновение — и страсть, которую сдерживали годами, вырвалась наружу. Инстинкты возобладали над разумом, пульс и температура тела зашкаливали.

Шэнь Цзяньвэй склонился над ним, накрывая своими губами его рот, заглушая собственное имя. Сближение, робкое исследование, полное слияние... В темноте комнаты, где не горел свет, слышалось лишь тяжёлое дыхание и дрожь переплетённых пальцев.

Спустя время Линь Му что-то жалобно простонал, уткнувшись в шею друга и жалуясь на странное напряжение и дискомфорт. Шэнь Цзяньвэй помог ему сесть, прижимая к себе. Он тихо шептал слова утешения, иногда прерываясь на ответные неловкие поцелуи, и медленно, с какой-то бесконечной нежностью, помог ему избавиться от мучительного возбуждения.

Когда Линь Му наконец затих, Шэнь Цзяньвэй обтёр его влажным полотенцем и убрал со лба мокрые пряди волос. Он ещё долго сидел в ванной под ледяной водой, пытаясь прийти в себя. Вернувшись в комнату, он увидел, что друг уже крепко спит. Шэнь Цзяньвэй присел на край кровати и проверил, не дует ли кондиционер прямо на лицо спящему.

Наутро Линь Му проснулся с раскалывающейся головой. Пытаясь восстановить события прошлой ночи, он вспомнил странный сон: будто они с Шэнь Цзяньвэем целовались.

— Проснулся? — Голос друга заставил его вздрогнуть. Тот стоял прямо у кровати.

— Слушай... — он потер виски. — Я вчера сильно опозорился, да?

— Нет, — коротко ответил Шэнь Цзяньвэй.

— Мне такой странный сон приснился... — Линь Му замолчал.

Цзяньвэй долго смотрел на него, а затем отвёл взгляд и спросил:

— Что хочешь на завтрак?

***

Сентябрь принёс с собой суету студенческой жизни. Шэнь Цзяньвэй и Линь Му оказались в

одной комнате общежития. Распорядок остался прежним: Цзяньвэй вставал раньше всех и, спускаясь со второго яруса, первым делом стаскивал одеяло со спящего друга.

— Ещё пять минуточек... — Линь Му сворачивался калачиком.

Шэнь Цзяньвэй молча стоял над ним.

— Ладно, ладно! Ты ведёшь себя прямо как мой папа, — ворчал Линь Му, выбираясь из постели. — Зануда.

Помимо учёбы, Шэнь Цзяньвэй по выходным подрабатывал и каждый месяц переводил деньги Линь Шаню. Линь Шань часто жаловался жене: «Этот ребёнок слишком правильный, ну как так можно?» Цзян Чунью тоже переживала, но переубедить его было невозможно — если они блокировали карту, он присылал наличные почтой. В итоге отец Линь Му просто наказывал ему тратить меньше, а больше приглядывать за «непутёвым младшим братом».

Этот самый «брат» в свободное время частенько засиживался в кофейне, где подрабатывал Шэнь Цзяньвэй, раскладывая учебники прямо на барной стойке. Ему самому было скучно, но там, где был Цзяньвэй, ему всегда было спокойнее. Девушки-посетительницы часто заглядывались на баристу, и Линь Му их понимал: юноша в рабочей форме выглядел чертовски привлекательно, особенно когда сосредоточенно готовил кофе.

Линь Му иногда спрашивал:

— Слушай, ну какая девушка тебе всё-таки нужна? Давай я хоть оценю кандидаток?

Цзяньвэй лишь бросал на него мимолётный взгляд и продолжал работать. Когда он возвращался со смены поздно вечером, другие соседи по комнате уже спали, а Линь Му неизменно ждал его, уснув прямо за столом над конспектами.

— Иди в кровать, — Шэнь Цзяньвэй легонько толкал его в плечо.

— М-м-м... — сонно бормотал Линь Му. — Я Шэнь Цзяньвэя ждал...

На следующее утро парень обнаруживал себя в постели и пинал верхнюю полку:

— Это ты меня перетащил?

— Не перетащил, а перекинул.

Всё шло своим чередом, пока на втором курсе Линь Му не завёл себе девушку.

— Шэнь Цзяньвэй! — он буквально влетел в кофейню вместе с симпатичной девчонкой. — Знакомься, это моя девушка.

Шэнь Цзяньвэй поднял голову:

— Привет.

— Здравствуйте, — девушка заметно смутилась.

— Да ты не бойся его! Он мой лучший друг, мы с пелёнок вместе, у нас такие отношения... — Линь Му усадил её за стойку и принялся увлечённо рассказывать их общую биографию.

— Что будете пить? — прервал его Шэнь Цзяньвэй.

— Ой, да сегодня не до кофе, — отмахнулся Му. — Пойдём вечером с нами ужинать?

Цзяньвэй отвернулся к кофемашине:

— У меня дела.

— А? — Линь Му нахмурился. — С кем это у тебя дела?

— С человеком, которого ты не знаешь.

***

Если говорить честно, Линь Му был тем ещё эгоистом. Он ворвался в выжженную пустыню жизни Шэнь Цзяньвэя и принялся там хозяйничать. В каждом моменте, когда Шэнь Цзяньвэй терял самообладание, неизменно присутствовал Линь Му. Наверное, это и называли судьбой.

Чувства Шэнь Цзяньвэя к Му были неизбежны — это был естественный процесс, вопрос был лишь в том, когда он сам это осознает и когда тайное станет явным. Цзяньвэй понимал: если Линь Му заметит правду, их дружба может рухнуть в одночасье. Несмотря на всю боль, он не мог позволить себе потерять Линь Му, не мог лишиться семьи Линь из-за своих «неправильных» чувств. Он был готов запереть их на замок и вечно оставаться просто другом детства — лишь бы Линь Му был рядом. Шэнь Цзяньвэй возвёл стену внутри себя, стараясь изгнать любое неуместное желание.

Тот роман Му продлился всего два дня. Когда он, уткнувшись в подушку, оплакивал свой провал, соседи по комнате лишь посмеивались.

— Не смейте ржать! — доносился его приглушённый голос.

Хохот стал громче:

— Да ты в любви хуже первоклассника!

— И не говори! — он сам понимал всю комичность ситуации и перевернулся на спину. — Мне двадцать лет, я даже за руку её не подержал, а меня уже бросили! — Парень закрыл глаза рукой и сокрушённо добавил: — Она сказала, что у меня в сердце уже кто-то есть. Но я-то об этом ничего не знаю!

Шэнь Цзяньвэй сидел за столом, его книга была открыта на одной и той же странице уже битый час.

— Шэнь Цзяньвэй! — Линь Му высунулся из-за занавески. — Скажи, я же полный неудачник, да?

Цзяньвэй, не поднимая головы, тихо подтвердил:

— Угу.

Соседи снова зашлись от смеха. Несколько дней Линь Му ходил сам не свой.

— Ну почему так? — донимал он друга по дороге в библиотеку. — Почему я ничего не чувствую, когда пытаюсь за кем-то ухаживать?

Шэнь Цзяньвэй ответил не сразу:

— Любить по-настоящему — это всегда больно и тяжело.

— Да что ты в этом понимаешь! — Линь Му ткнул его кулаком в спину. — Ты же ни в кого никогда не влюблялся.

Цзяньвэй молча шёл вперёд, под ногами шуршала опавшая листва.

— Какой же ты всё-таки идиот.

***

Вскоре Линь Му направил всю свою энергию в учёбу. Он начал пропадать в библиотеке вместе

с Шэнь Цзяньвэем, они вместе готовились к зачётам и экзаменам. Иногда, устав, парень просто клал голову на стол и наблюдал, как друг пишет. Пальцы Цзяньвэя были тонкими, белыми и изящными.

Засмотревшись, Линь Му внезапно произнёс:

— Интересно, кого эти руки будут обнимать в будущем?

Шэнь Цзяньвэй глубоко вздохнул.

— У тебя в голове хоть на минуту могут появиться мысли не о любви?

— Так я же о тебе беспокоюсь! — возразил Му.

Шэнь Цзяньвэй отложил ручку и пристально посмотрел на него.

— Ты так сильно хочешь, чтобы я с кем-то встречался? Если тебе так спокойнее, я могу найти себе кого-нибудь. Как скажешь.

Слова прозвучали слишком веско, и Линь Му вдруг стало не по себе. Он уткнулся в книгу.

— Да делай что хочешь.

— Линь Му, — позвал Шэнь Цзяньвэй.

— А?

— Посмотри на меня.

— Да чего ты... вечно злишься.

Парень не решался поднять взгляд. С недавних пор он начал ловить себя на том, что боится смотреть другу в глаза. В их глубине скрывалось слишком многое, и он боялся однажды всё понять. Шэнь Цзяньвэй долго молчал, прежде чем наконец произнести:

— Не говори мне больше такого. Мне от этих слов неприятно.

— Ой, ну ладно, понял я.

Линь Му поспешно сменил тему, тыкая пальцем в наушники и спрашивая, о чём там тараторят в аудиозадании. Цзяньвэй послушно перевёл:

— Любовь — это минимальная доза коммунизма в человеческой природе.

— Чего-чего?

— Любовь, — тихо повторил Шэнь Цзяньвэй.

— А?

— Любовь — это единственная форма коммунизма, доступная человеку в частном порядке, — Цзяньвэй смотрел прямо на него.

Оба понимали, что в учебнике не было ничего подобного, но Линь Му не стал спорить.

— Я... — Он сорвал наушники и вскочил. — Мне в туалет надо.

Шэнь Цзяньвэй долго смотрел ему вслед. В глазах преподавателей и сокурсников он был идеальным студентом, будущим учёным, для которого нет ничего важнее формул и экспериментов. Казалось, такие люди просто не способны на сильные чувства. Но только сам Цзяньвэй знал правду. Он страстно желал любви Му и одновременно до смерти её боялся. Все эти годы он жил в постоянном напряжении, словно поле, ожидающее нашествия саранчи.

***

Слухи в университете распространяются со скоростью лесного пожара. Сначала кто-то просто шептал, что Линь Му и Шэнь Цзяньвэй ведут себя странно, но со временем голоса стали громче. Говорили, что они неразлучны с детства, что они — пара, что это «ненормально».

Эти сплетни начали отравлять их жизнь, и Линь Му стал нарочно держаться в стороне. Он начал в одиночку ходить на лекции, обедать с другими ребятами, а на вопросы Шэнь Цзяньвэя отвечал, что занят, и просил его не вмешиваться.

Кто-то из зависти к успехам Цзяньвэя даже донёс руководству факультета: мол, почему «таким» дают стипендии. В тот же день юношу вызвали в деканат. Узнав об этом, Линь Му бросился на поиски доносчика.

— Какое право ты имел так говорить о нём?! — он вцепился в воротник обидчика.

Тот не испугался.

— Что, правда глаза колет? Обоим вам место на помойке, извращенцы.

— Повтори!

— Я сказал — вы вызываете тошноту! — Парень оттолкнул Линь Му. — Весь вуз знает, что Шэнь Цзяньвэй пошёл сюда только из-за тебя, похерив лучшие предложения. Ты что, серьёзно скажешь, что он тебя не вожделеет? Что вы такие все из себя чистенькие...

Линь Му ударил первым.

— Ты?! Ты меня ударил?!

— И ещё раз ударю! — он снова кинулся в драку.

Они катались по полу, Линь Му пропустил несколько тяжёлых ударов, но боли не чувствовал.

— Да все знают, что вы спите друг с другом! — кричал противник, целясь Му в лицо. — Он ради тебя карьеру гробит, а ты...

Парень внезапно замер.

— Интересно, а твои предки знают, какого сына вырастили?

Очередной удар пришёлся точно в цель, но он даже не шелохнулся. Вкус крови во рту был неприятным, но горечь в сердце — стократ сильнее. После драки Линь Му, пошатываясь, вернулся в общежитие. Когда Шэнь Цзяньвэй вбежал в комнату, он увидел друга, сжавшегося в кресле. Лицо парня было в синяках, губа разбита.

— Сильно болит? — Шэнь Цзяньвэй опустился перед ним на корточки, голос его был полон нежности.

Линь Му молчал, судорожно ковыряя заусенец. Цзяньвэй вздохнул и достал аптечку. Когда ватка с йодом коснулась раны, парень вздрогнул и попытался отстраниться, но крепкие руки Шэнь Цзяньвэя удержали его.

— Зачем ты полез в драку?

— Не твоё дело, — буркнул он.

— Что они наговорили на этот раз? — продолжал Цзяньвэй.

Линь Му внезапно взорвался и оттолкнул его:

— Да оставь ты меня в покое!

Ватка упала на пол, оставив грязное пятно. Шэнь Цзяньвэй помолчал, взял новую и снова потянулся к его лицу.

— Не трогай меня! — парень забился в угол у шкафа.

Цзяньвэй просто смотрел на него. Подождав, пока тот немного успокоится, он тихо спросил:

— Сильно ударился?

— Да замолчи ты! — Линь Му сорвался на плач. — Перестань так заботиться обо мне! Друзья так себя не ведут! Они... они говорят, что мы ненормальные. Шэнь Цзяньвэй, мы всё делаем неправильно!

Это «неправильно» ранило глубже любого ножа. Шэнь Цзяньвэй застыл, не уходя, но и не приближаясь.

— И что теперь? — Му рыдал, глядя в пол. — Мы не можем так продолжать. Это безумие.

— Что именно «неправильно»? — Шэнь Цзяньвэй медленно подошёл к нему. — То, что я забочусь о тебе? То, что ты мне дорог?

— Не подходи! — Линь Му с силой оттолкнул его и сполз по стенке на пол. — Зачем ты это делаешь?! Почему всё так сложно?! Я просто хотел жить как все!

Цзяньвэй молча смотрел на него сверху вниз.

— Жить как все? Встречаться с той, кого не любишь, и выдавливать из себя фальшивую улыбку ради одобрения толпы? Это и есть твоя «нормальная жизнь»?

— Всё лучше, чем... — Му закусил губу.

— Лучше, чем что? — Шэнь Цзяньвэй выбросил ватку в корзину. — Договаривай.

— Всё лучше, чем когда на тебя вечно тычут пальцем! — закричал Линь Му. — Ты хоть понимаешь, что они несут?! А родители? Что будет, если они это услышат?! Шэнь Цзяньвэй, я прошу тебя, умоляю — перестань. Дай мне просто жить спокойно!

— Спокойно... — Шэнь Цзяньвэй посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. — И моё присутствие тебе мешает?

— Да!

Слово вылетело само собой. Линь Му тут же пожалел о сказанном и поднял голову. Под ярким светом люминесцентной лампы лицо Шэнь Цзяньвэя казалось мертвенно-бледным. Тень от бровей скрывала его взгляд, превращая глаза в два темных провала, в которых не было ни искорки света.

— Я не... — он хотел оправдаться, но было поздно.

— Хорошо, — тихо произнёс Шэнь Цзяньвэй.

Всю свою жизнь, на любую просьбу Линь Му, Шэнь Цзяньвэй отвечал «хорошо». От этого простого слова парню стало нечем дышать. Цзяньвэй ушёл, не оглядываясь. Когда-то давно Линь Му мог удержать его, не давая снять куртку. Но сейчас он лишь смотрел на закрывшуюся дверь, понимая, что больше не властен над этим человеком.

***

На третьем курсе Шэнь Цзяньвэй съехал из общежития. Ещё не закончив бакалавриат, он подал документы в магистратуру Университета Х. Он уехал в другой город, с головой погрузился в работу, не оставляя себе ни минуты свободного времени. Но каждый месяц неизменно звонил Линь Шаню, спрашивал о здоровье и переводил деньги.

Отец Линь Му часто звал его: «Цзяньвэй, возвращайся, мы очень скучаем». Но тот всегда находил повод отказаться. Эти «следующие разы» растянулись на долгие двенадцать лет. Цзяньвэй встретил множество новых людей, слышал тысячи голосов, но лишь один зов из прошлого преследовал его как проклятие. Он ловил себя на том, что оборачивается на улице, ожидая, что сейчас кто-то подбежит к нему и начнёт жаловаться на жизнь. Его жизнь была разрублена пополам, и он пытался выжить на чужбине, делая вид, что всё в порядке.

Шли годы. Линь Му остался в родном городе. У него появились новые, странные привычки: заходя в магазин, он пересчитывал упаковки клубнично-шоколадного мороженого, но никогда его не покупал. Он перестал упоминать имя Шэнь Цзяньвэя в разговорах, потому что боялся вопросов, на которые не мог ответить. Иногда он подслушивал телефонные разговоры родителей, а потом запирался у себя. Парень понимал: он болен, и лекарства от этой тоски нет. Он был уверен — Шэнь Цзяньвэй его ненавидит.

Эти двенадцать лет он с головой ушёл в работу. Парень заставлял себя не думать, не вспоминать. Сменялись поколения практикантов, и иногда, глядя на их неловкость, Линь Му на миг возвращался в юность. Лишь когда его окликали «доктор Линь», он осознавал, что ему уже тридцать четыре.

Недавно по больнице пошли слухи, что из Университета X пригласили ведущего нейрохирурга. В тот день в приёмном покое был аврал после крупной аварии. Линь Му уже сдал смену, но решил помочь коллегам с обработкой ран. Медсестра сказала, что консультант из нейрохирургии уже здесь. Он лишь кивнул, не отрываясь от швов.

— Вот здесь кровоточащий сосуд.

Этот голос... Он был настолько знаком, что когда чужие руки в перчатках взяли инструмент, Линь Му не рискнул поднять голову. Он молча отступил в сторону. Медсестра шепнула ему:

— Это доктор Шэнь, тот самый эксперт из Университета X. Вы ведь ещё не знакомы?

Линь Му лишь коротко кивнул и, не оглядываясь, почти выбежал из смотровой.

<http://bllate.org/book/15848/1436506>